

Между смехом и слезами посереёдке стою

В прошлом номере «Казанского альманаха» мы сообщили, что в результате усердного поиска наши постоянные авторы Галина Булатова и Эдуард Учаров получили целый чемодан архивов замечательного, но несправедливо забытого казанского поэта Ивана Данилова, и опубликовали большую подборку его стихов, а также выдержки из дневников и писем. Теперь новое сообщение. В том же чемодане были обнаружены неопубликованные стихи и письма другого замечательного казанского поэта – Геннадия Капанова. С удовольствием предлагаем их вниманию знатоков и любителей поэзии. Подборку начинаем со стихотворения «Гроза». Вообще, у Капанова в стихах много гроз. К ним у него было особое отношение. Мог ли он знать, что это его судьба?.. На берегу в тот трагический день было немало людей, но разряд молнии нашёл именно его, поэта...

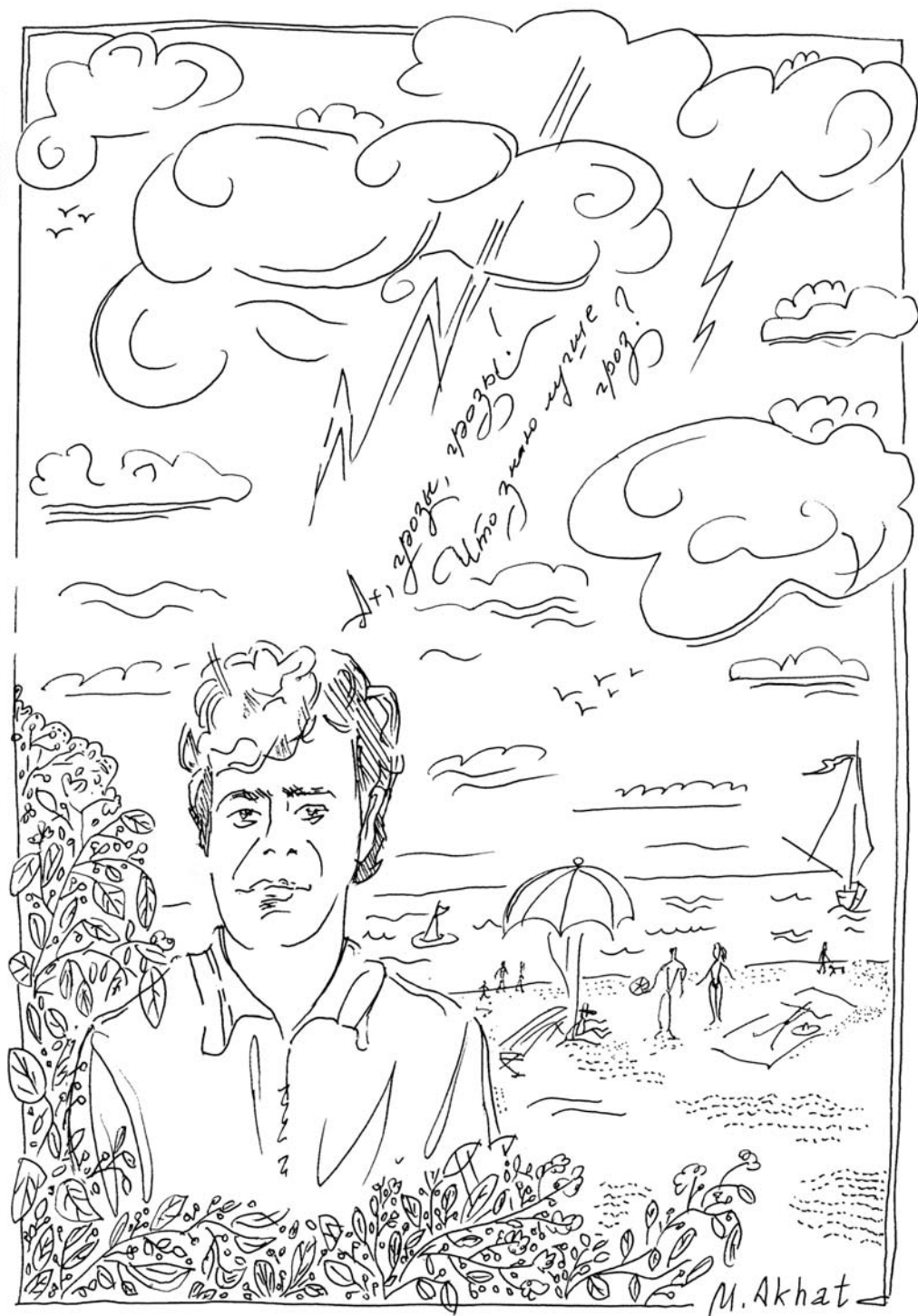
Геннадий Капанов

1938–1985

Грозы

Грозы, грозы!
Ах, грозы, грозы!
Что узнаю я лучше гроз?
Треск обломков, молнии, громы
и побегов победный рост!
Нет, такое нельзя не любить!
Землю мочит и зелень мочит,
гром грохочет, как будто хочет
полземли на куски раздробить,
по земле пробегают тенищи,
ветер гнёт деревья в дугу,
в небе носятся молнии-трещины,
точно смелые мысли в мозгу.
Вдруг откуда-то с самого верха,
после тьмы ослепительно гжуч,
расширяя отверстие света,
кучу туч прожигает луч.
Сразу грозные силы кончаются,
нет ни ветра, ни туч, ни дождя,
только ветки ещё качаются,
в равновесие не придя,
только всё ещё звонкими звеньями
каплет с листьев – прозрачной слезы –
и дрожат на взволнованной зелени,
солнцем полные, капли грозы.
Всё становится тем особым,
когда новые силы сильны,
освежающе пахнет озоном
и землёй,
и плодами земли.

ПОЭЗИЯ

Уговор

Египетский профиль! И все эти вещи –
И смуглые щёки, и уст лепесток,
И лоб, и чуть-чуть маслянистые веки –
Веками вытачивал Ближний Восток.
Задела ты несколько внутренних струнок –
И чувство эстетики, и естество,
И радуешь ты, как хороший рисунок,
В котором спокойствие и мастерство.
И вот, изучая твои очертанья,
В которых сквозит, говорю, мастерство,
Я начал подумывать, что содержанье
Должно соответствовать форме его.
И если хорошее будет начало,
То я предлагаю союз на крови...
Что русско-татарская дружба? – мне мало! –
Мне хочется русско-татарской любви.
С твоей стороны – ни малейшего риска.
Приди, и – как только мы будем одни –
Позволь мне приблизиться близко-преблизко
И с целым народом меня породни.

Terra Incognita

Вале и Юре (Кучумову)

Средь волн житейских, пенных, белых,
не без руля, не без ветрил,
ты вдруг открыла новый берег,
и новый берег ты открыл.

Там то же солнце, те же звёзды –
(жизнь, в общем, страшно не нова) –
но – новый свет! Но – новый воздух
и непохожая трава!

Здесь тоже вдоволь дыр и ссадин,
следов от ног, от рук, от шин,
и много впадин, много гадин –
но здесь достаточно вершин!

Не в ожидании ответа,
а просто к делу из любви
понаселите землю эту
своими по крови людьми!

Московский старожил

Он сказал мне: «Старожил
я московский.
Покажу тебе, где жил
Гиляровский».

Но глядит он как-то вбок
и игриво...
Мы спустились в погребок
выпить пива.

Недоволен мой старик
шумом-гамом,
Молча пиво пьёт, стоит...
Я – с агдамом.

Что же, думаю, стоим?
Истуканы?
Ну, и выпили мы с ним
по стакану.

И сказал мне старожил:
«Хрен уж с ним уж...
Я не знаю, где он жил...
Извини уж...»

Взял я кружку, что моя,
пену сдунул:
ничего, отец, да я
так и думал...

Пантомима

К тебе я приезжаю иногда,
вхожу в твою зашторенную комнату.
На стуле я сажу подолгу скованно,
произношу два слова: нет и да.
Ты вынимаешь у меня из рук газету,
ты папину даёшь мне сигарету,
и я сажу вдвоём с зелёной пепельницей,
смотрю, как ты листаешь ноты в песеннике,
как тихо – будто это пантомима –
ты открываешь крышку пианино.
Смотрю я, как под музыку ты кланяешься –
как будто разговариваешь с клавишами.
Смотрю на пальцы, медленно блуждающие

и дымчатые звуки пробуждающие...
Насколько нас с тобой богаче музыка!
В ней есть и женственность,
и в то же время – мужество.
Во мне нет мужества,
в тебе – ни капли женского.
Мы говорим гримасами и жестами.
Мы чувствуем и нервами, и мускулами,
что между нами нет нисколько музыки.

94

Стихи, написанные в поезде

Мне вспоминается езда
зачем-то далеко куда-то.
Проходят снова поезда,
в которых ехал я когда-то.
Забыто много. Но запомнил я:
вослед мне – лёгкие, как пух, –
махали руки незнакомые,
как бы шепча: «Счастливого пути!»

Гудком прощался поезд с дамбами,
внизу колёса барабанили,
а я на машущих из тамбура
глядел глазами благодарными...

Опять вагон и ветер странствия,
и снова – лёгкие, как пух, –
мне машут руки с каждой станции,
как бы шепча: «Счастливого пути!»

Я уезжал. Я знал разлуки.
Всё остальное в стороне!
Мне грустно, машущие руки.
Спасибо вам. Но грустно мне.
Глаза мои – в туманах матовых,
они уже почти молящие.
Махни к себе, из массы машущих
одна зовущая, манящая...

Берите бутоны

Мне нравится песенка
«Дон-диги-дон»
и чья-то картина
с головкой мадонны.
Есть сад у меня,
очень маленький он.
Пусть маленький он –
но какие бутоны!
И я подбираю к бутону бутон –
по их красоте,
по расцветке,
по тону –
и вот выхожу на асфальт, на бетон
и в каждой руке
держу по бутону.
Идут по бетону
бидоны,
батоны,
а я повторяю для них монотонно:
«Смотрите – бутоны!
Бидоны,
батоны,
берите бутоны,
берите бутоны...»
Бидоны,
батоны,
вас тонны и тонны,
поэтому так задаёте вы тон!
Берите бутоны!
Берите бутоны!
За каждый бутон –
бидон и батон...

Законы всегда открывают Ньютоны.
Наверно, я тоже какой-то Ньютон:
закон –
бутоны менять на батоны,
чтоб вырос ещё один алый бутон...

Бидоны,
батоны,
но это же стоны:
берите бутоны...
берите бутоны...

Что такое ЖИЗНЬ

О плохом на свете
я не очень думал.
Я хандру любую
шуткой разбивал.
Я острил, смеялся,
я не падал духом
и с утра до ночи
песни распевал.

Говорили люди:
«Ты ещё заплатишь
за своё веселье.
Злишь или не злишь –
только вот увидишь,
ты ещё заплачешь,
ты ещё не знаешь,
что такое жизнь».

Ну и вот настало.
Мне уж не до пенья.
Что-то комом в горле,
что-то ест глаза...
Я терплю. Я сильный.
Я – само терпенье.
Кто ж из нас сильнее –
я или слеза?

Это так непросто.
Это очень сложно.
Это не расскажешь.
Но без лишних слов
я в глаза обратно
загоняю слёзы,
потому что всё же
я сильнее слёз!

С тем, что это – жизнь,
я не хочу смиряться!
Что же – если больно –
помирать ложись?
Петь ещё мне песни!
Мне ещё смеяться!
Я ещё не знаю,
что такое жизнь!

Два письма

1. Письмо товарищу

Ты так часто, очень часто
говорил мне: «Дай ответ –
счастлив ты или несчастлив?
Отвечай! Да или нет?»

Так ответить невозможно.
Лучше будет промолчать.
Это ложно – односложно
на вопросы отвечать.
Не отвечу утвердительно,
не отвечу отрицательно.
Это и не удивительно!
Но отвечу обязательно.
Чтобы было убедительно,
я отвечу описательно.

Я давно не плакал, дурень,
как давно я не рыдал!
Но не думай, но не думай,
что плохого не видал...
Мой товарищ!
Дальний друг мой!
Не смеюсь – давно я идол.
Но не думай ты, не думай,
что хорошего не видел.
Я тебе шестью словами
расскажу про жизнь мою:
между смехом и слезами
посереёдке стою.

2. Письмо подруге

Есть изделия из дерева,
есть из чистого стекла.
Ты – тончайшее изделие
из света и тепла.
Кругами глаз коричневых,
узостью коленок
каждую кровиночку
ты во мне колеблешь.
Есть много тяжестей и сил,
с которыми не сладить.
Я их достаточно носил,
но всех сильнее – слабость.

Статуя девушки

В одной стране,
во время старое,
как говорят,
во время дедовское,
царь повелел:
«Создайте статую –
не женщины,
а девушки».

И началось знакомство с культурами
различных девок и бабин!
И к сроку сказанному скульпторы
представили своих богинь.

И вот по царскому велению
на круг огромного диаметра
пришли художники с Венерами,
Психеями, Дианами.
Был мрамор безупречно бел,
и меж Венерами, Дианами,
хоть в основном-то были без,
но были даже в одеянии...

И прибыл царь смотреть на дев,
на скульпторов деяния.
Он постоял у каждой статуи
с усмешкой умной под усищами,
потом он сдвинул брови старые,
и вот что скульпторы услышали:
«О сколько ляжек и грудей!
Конечно, всё как у людей,
и даже иногда прекраснее...
Но вы забыли – что приказано...
Все ваши статуи недевственны,
хоть ваши искренни искания.
Вы статуи из статуй делали,
а надо – статую из камня».

Дождь

Пыль на воле и в жилище.
Ртом дышал. Закрыв потом.
Дело, видимо, не в том:
дышишь носом или ртом –
всё равно пылища!
Пыль на листьях, на плечах,
пыльны выходы и входы,

пыль – в костюмах новой моды,
даже – в чистых от природы,
ярких солнечных лучах.
Пыль и на, и под, и за.
Всё от пыли чахло, вяло.
То туманит – пыль в глаза,
то скрипит – в зубах навязла.

Вдруг пошло шуметь и литься.
Все кричат: «Давай плечи!»
Заблестели крыши, листья,
тротуары и плащи.
Дождь умел! Шумел и лился,
тёк везде, водою моя.
И свежо сияли лица,
видя моещее море.

Шли ручьи, стекались в лужи.
Люди ждали их давно.
Стало чище, стало лучше,
стало так, как быть должно.
Вышло солнце, быстро сохло.
Всё блестело, как лучи!
И текли лучи из солнца,
точно чистые ручьи.

Вспоминать бы надо чаще
эту маленькую быль:
от природы всё блестяще,
если смыть с природы пыль!

Земля моя

Тебе поют всё лето птицы хором.
Потом, расправив лёгкие крыла,
они всем хором покидают холод
и улетают в тёплые края...

В твоих деревьях – тоже голос песен.
Но тем, кто в глубь твою корнями врос,
для голоса нисколько не опасен
ни листопад, ни иней, ни мороз.

Земля моя, земелюшка, земляца,
ты слышишь шелестение моё?
Не птица. Не из хора. Не певича.
А дерево шумливое твоё.

Подснежники

Эта даль в весенних водах
и девчачий хохоток!
Занавески вдох и выдох
и оконный холодок!

В этой маленькой квартире
без крючков и без ключей,
в этой маленькой квартире,
полной солнечных лучей, –
только книжка со стихами
в обложке голубой
да подснежники в стакане
со стеклянною водой.

Было облачно и снежно.
Но, сигнали о тепле,
подняла земля поспешно
свой подарок на стебле.
От прохлады посиневший,
по-весеннему раздет,
над землёй взошёл подснежник,
точно маленький рассвет.

И хоть столько всякой чуши,
а подснежников – чуть-чуть,
но подснежниковы чаши
побеждают эту чушь.

Художник

Он нюхает то вонь, то жимолость.
Он знает свежесть и гнильё.
Он не обронит слова «живопись» –
он только делает её.

Какую ни справляют тризну –
жил, жив и вечно будет жить!
Он может быть прославлен трижды
и проклят трижды может быть,
но не споётся с общим тоном
и не войдёт в размеры схем.
И разве важно – в жизни кто он?
Нет! Важно только – хочет кем!

В нём бродит огненная магма.
И ей дано не утихать,
а извергаться, кисти мажа!
И правду в живопись вдыхать!

* * *

Жить надо – жить и не тужить,
спать по ночам, а днём трудиться...
Но если просто жить и жить,
тогда не стоило родиться...

Нет! – в люди выходить!
А то – ну, кто я с виду? Что я с виду?..
Ну, выйду в люди. Ну, и что?
Куда я, в люди выйдя, выйду?..

Нет! – просто надо много денег.
Не слишком много – тысяч сто...
Ну, будут деньги. Ну, и что?
Что сделаешь? Куда их денешь?..

Не этого! И не того!
Всё это в жизни не поможет!
Нет! Мне не надо ничего!..
Но этого же быть не может.
И всё это – одна бравада.
И я, выходит, просто лжив.
Которым ничего не надо,
те мёртвые. А я-то жив!
Живые без всего не могут.
Всем что-то надо на земле...
Быть может, и не так уж много,
но ведь чего-то надо мне!

Раздумья эти – хуже ада!
И что мучительней всего –
я понимаю сам: да! Надо!
И даже очень!
Но чего?!

Цитаты из сердца

1

В пол стучат четыре ноги.
Только доски бы да не треснули! –
Клёши флотские, да со стрелками,
в пляске режутся, как ножи!
Ай да клёши! Ну и артисты!
Плавно движутся по доскам.
Чуть пропишут шажком форсистым –
и ладошками – по носкам!..

Утомлённый пляской-дурой,
точно думая: «А-я-яй!» –
улыбаясь клавиатурой,
молчаливо стоял рояль...

(Этот стул – позади тебя.
Я сижу, этот стул любя.
Только тело нагни чуточку,
только локти на спинку положи –
и мгновенно лицом почувствуешь
паутинки твоих волос...
Не привык я ко всяким ролям.
У меня лишь одна кожа.
Я сижу и молчу, как рояль,
если пляшут на сцене клёши.)

2

Голоса, смешки, остроты,
вальсы, танго и фокстроты,
ручки, плечки – не пройти! –
Зубки, губки, ушки, глазки,
разрисованные маски,
серпантин и конфетти.
И, кругом зажатый всеми,
массу общества гребя,
как иголку в сене, я ищу тебя.
Вдруг слышу: «Симпатичная!»
Оглядываюсь назад...
А струи серпантинные
вокруг тебя скользят.

3

И над этой танцующей убогой,
словно вызов какой-то глася,
высоко, как луна над уборной,
восходили твои глаза.
То весёлые, то обморочные,
то со вспышками – как гроза!
То совсем голубые, безоблачные, –
симфонические глаза!

4

Ловят тебя лентами.
Но ты здесь быть не хочешь.
И ты их рвёшь коленками,
и с вечера уходишь.

5

Ну и ночка! Вся в пуху.
От снежинок – душно,
будто кто-то наверху
вытряхнул подушку...
Я смотрю сквозь снег вперёд.
Вижу – всё понятно.

Он идёт. Она идёт.
И она обнята...

6

Занесите в пух и прах
белый свет, снежинки!
Заморозьтесь на глазах,
горячие слезинки!

Память

Всё ещё помню,
Кто бывал
Бессовестным со мной
И грубым,
Кто зубоскалил,
Надувал,
По глупости –
Считая глупым,
Кто врал,
Кто имя мне марал,
Сводил со мной зачем-то счёты,
Кто зло шептал
И кто орал,
Слюнями попадая в щёки...

Бывает.
Было.
Было – будто
Вчера
Или позавчера...
Проходят дни и вечера...
Всё ещё помню.
Но забуду...

Но сколько б дней и вечеров
Ни стало в будущем годами,
Не позабуду я даров
Рукой,
Глазами
И губами.

За доблесть добрых слов
И чувств,
За капли глаз,
За губы крохи
Я всем собою расплачусь –
По волоску,
По капле крови...

СЛИШКОМ

И ни выхода нет и ни входа,
А народ там и тут прёт и прёт...
Слишком много в трамвае народа!..
А на поезд? А на самолёт?..

Не подступишь ни к пиву, ни к книжкам!
По каким ни пойдёте местам,
И во всех – слишком, слишком и слишком...
Да, везде – там и тут, тут и там!

Слишком – и дураков и учёных!
И – по ряду каких-то причин –
Слишком стало – мальчишек, девчонок,
Женщин – слишком и слишком – мужчин.

Ищут выхода, ищут и входа.
Ищут, ищут – и ищут вотще!
Вообще – слишком много народа.
Вообще, говорю, вообще!..

Кой-каким пораскинув умишком
И привыкнув уже к словарю,
Кто-то скажет: «Ну, это уж слишком!
Вообще!..» – вот и я говорю...

Дурной сон

...Из нежных, што ль? Ну, да – из нежных.
Что на щеке? – Шершавый быт.
Тут всё на совесть – я из нервов,
Из нервных клеток... Без обид...
Слезоточивый чад столовок,
Шуршанье денег, счёт, щелчки,
Великолепие торговок,
Пропойцы, хамы, дурачки,
Партнёрш каких-то перезрелость,
Дурацкий хаос бытовой,
Истерика спортивных зрелищ
И крепкий запах спиртовой.
В бока толкают по старинке,
Народу много, жизнь кипит...
В глаза попало по соринке,
И на зубах песок скрипит...
Чьи – слюни? Или яд змеиный?
Сапожным кремом? Где я мог?
Смотрю – язык какой-то длинный
И чей-то хромовый сапог...

Командировка

Из сосен врезываясь в ёлки,
из ёлок – в лиственные все,
и вьётся, взвизгивая, вьётся
змеей испуганной шоссе.

При девяноста километрах
машина лёгкая, как тент!
Шоссе от скорости и ветров
трещит, как рвущийся брезент!

Район, открытый за районом,
шумит, как ворох новостей,
весна застелена зелёным
ковром Татарии моей.

День улетел, как пух гусиный,
но этот утра лоскуток
остался в памяти, как синий
одной татарочки платок.

В музее Достоевского

В комнатах музея тихо-тихо.
Я, туда-сюда кося,
мельком прочитал главу «У Тихона»...
Разочаровался я – не вся.

Что музей? И чем его помянете?
Мебель, книги, тишина в избе...
Видел фотографию племянницы.
Разочаровался... Так себе...

Ничего в музее достоверного,
кроме старушни сторожевой.
Взял потрогал бюстик Достоевского,
разочаровался – не живой...

Надо опыт древних позаимствовать
или взять... ну бактериофаг
и тела великих – бальзамировать,
чтоб в музее каждом – саркофаг!

Портрет

(Баллада)

Олегу Сильянову

С каштановою бородой,
с глазами голубого цвета,
один художник молодой
писал безвестного поэта.
Сядясь с мольбертом против света,
сказав поэту «Так сиди!» –
на первый план он дал поэта –
и хризантему позади.

Денёк был пасмурный такой,
в окошке было мало света.
И, брови двигая с тоской,
художник всматривался в это.
Промыл бы стёкла дождь водой,
сверкнуло бы в окошке лето,
и хризантема бы звездой
лила бы в тень потоки света!

А может, в том и суть портрета –
в лице чуть-чуть не догляди
и притуши лицо поэта,
а хризантему засвети!
А, впрочем, и не важно это!
Совсем неплохо, погляди:
в полцвета – смуглый лик поэта,
в цвет – хризантема позади.

Теперь что толку от совета,
теперь уж дело позади,
а то бы дать весь свет портрета
лишь хризантемой у груди!

Детский мир

1

С утра слоняются слонами
два облака по небу зря,
и акварелью со слюнями
на нём размазана заря...

А он протёр глаза черничные.
А он не спит уже давно.
Деревья летние чирикают
в его открытое окно.
А утро новое, хорошее,
с травой и с криком петуха.
А у него – штаны короткие

и мышки сзади – буквой Х.
А у него – загар на пузике,
а он хохочет будь здоров!
Во рту – как в маленьком арбузике,
сверкают зёрнышки зубов.

Смеётся маминому мальчику
Июля шарик голубой.
И одуванчики, как мячики,
В траве играют меж собой.

На щёчках-яблочках у мамочки,
чуть наклонившейся над мальчиком –
такие маленькие ямочки,
как будто сделанные пальчиком...

Вы присмотритесь хорошенько
на них – идут, топча песок,
две тонких ножки-вермишельки
и две бутылки полных ног.

2

Среди двора, на голых камешках,
базарит шумное бабье.
А под струёй воды из краника
у них полощется бельё.
Они друг дружке улыбаются,
ворочая тряпья возы,
когда со звоном ударяются
с размаху вёдра о тазы.
Но вот затихли бабьи хлопоты,
а всё же нету тишины –
весь день, развешанные, хлопают
рубахи, платья и штаны.

А мальчик от руки маминой
сбежал с девчонкою вдвоём,
они сидят на крыше крашеной –
и над бельём, и над бабьём.
Они то ссорятся, то мирятся,
но дружбе это не грозит:
ведь целлулоидная мыльница
меж их коленками стоит.
Они над мыльной пеной трудятся,
и вот становятся сырей
бумажные такие трубочки
для выдуванья пузырей.
И, придавая форму шалости,
прилипли к трубочкам губой.
И вот, покачиваясь, шарики
вплывают в воздух голубой.
Плывут вверху дома с окошками,
деревья, башенки Кремля,
и солнца стёклышки-осколышки,
и небо всё, и вся земля...

3

Давно жара дневная спала,
и есть луна, а солнца нет.
И лунную качает спальню
поющий мамин силуэт.
Во всех домах огни потухли,
над крышей лётчик пролетел,
часы двенадцать раз простукали,
и поздний поезд прогудел.
И долго-долго слышал он,
как песни мамыны баюкали...
А после двери замаякали,
и из подушки вышел сон...

4

А завтра снова будет утро
и акварельная заря.
Как честно, правильно и мудро
для нас устроена земля!
А мы должны устроить так,
чтоб люди правильными были,
чтоб не было ни войн, ни драк,
чтоб все дружили и любили.
Да чтоб у всех была любовь,
чтобы родились карапузики,
и чтобы в маленьком арбузике
сверкали зёрнышки зубов.
Чтобы всегда мелькали шедшие,
топча рассыпчатый песок,
две тонких ножки-вермишельки
и две бутылки полных ног.
Чтоб были на щеках у мамочки,
склонившейся над каждым мальчиком,
такие маленькие ямочки,
как будто сделанные пальчиком!

Родина

Белы-белёшеньки
стоят берёзоньки.

А как росы полно
в траве рассыпано!

Из солнца вечного –
сноп света вешнего –
прямы, не сломаны
лучи-соломины.

Пой, пой в ушко,
поле-полюшко!

А ветер, пахнувший
густой ромашкою,
играй распахнутой
моей рубашкою!

А поздно вечером
в синем воздухе –
то ветки-веточки,
то звёзды-звёздочки.

А за околицей –
луны осколышек
и губы-губочки
юбочки-Любочки.

Влюблённый Капранов

И. Масленникова

Поэт не может быть
не влюблённым.
Это его естественное
состояние и самый
главный катализатор
творчества. Вот одна
из историй влюблённости
Геннадия Капранова
в письмах и стихах,
публикуемая впервые

* * *

Скучны были вечера,
Но судьба на выручку,
Благодатная, вчера
Мне послала Ирочку.

Вдруг в моей двери, смотрю, – стоит Иринка. Щёки – как два яблока, глаза – как две сливы, ресницы, значит, щёточками (ты же знаешь, какие длиннющие!), и губы – как две половинки какого-то экзотического фрукта. Я как раз занимался ремонтом комнаты и был по этой причине в кофте, которой не помню сколько лет, да притом весь заляпанный клейстером, да плюс ещё небритый... И мне было не стыдно, а досадно, что я не закончил ремонт к её приезду. Поэтому я заложил обе руки за спину, вытянул, как мог, длиннее шею и чуть-чуть прикоснулся губами к одному из её яблок.